
**«ЭХО ДРУГ ДРУГА»: РОМАН А. ЖАКСЫЛЫКОВА
«ПОЮЩИЕ КАМНИ» В ПЕРЕКЛИЧКЕ С «НЕДОНОСКОМ»
Е.И. БОРАТЫНСКОГО**

О.А. Валикова

Кафедра русской филологии, русской и мировой литературы
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
пр. Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

В статье рассмотрен факт освоения и переосмысления художественного образа русской литературы — Недоноска — писателем А. Жаксылыковым, автором романа «Поющие камни». По наблюдению Н.В. Павлович, образы в литературе не существуют изолированно; они включены в определенную поэтическую парадигму. В этом аспекте межлитературная переключка свидетельствует о преемственности эстетических и онтологических принципов в создании Автором художественного целого. Так, протагонист романа «Поющие камни» соотнесен с образом-символом русской литературы, творчески освоенным А.С. Пушкиным и развитым Е.А. Боратынским, — с Недоноском. Интертекстуальный параллелизм, использованный Автором как художественный прием, «наделяет» главного героя рядом дополнительных характеристик, делает его многомерным и «оформленным».

Ключевые слова: интертекст, межлитературный диалог, преемственность, традиция.

Введение. Переключка с Недоноском, одним из самых трагических и глубоких символов-обобщений в русской литературе, явственно присутствует в тексте романа: старик-китаец называет Жана *Недоростком* (что семантически может выступать синонимом первого), заплутавшим в мире [1. С. 29]. Именно эта интертекстуальная параллель «обнажает» истинную природу Жана как *окаянной Души*.

Впервые обозначение «недоносок» встречаем у Пушкина (1928 г.):

Уродился я, бедный недоносок,
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

В жанровом отношении стихотворение приближено к народной песне-причитанию, *заплачке*, одному из универсальных художественных примитивов. Причитания обычно классифицируют по трем группам, соотносимым с «прощальными» обрядами и ритуалами: похоронными, свадебными, рекрутскими.

Каждое из перечисленных обрядовых действий эксплицирует тему смерти — фактической или символической (так, по невесте, покидающей отчий дом, голосили как по умершей для родителей; рекруты (солдаты), уходящие на воинскую службу, «выпадали» из крестьянской жизни, а потому считались «похороненными заживо»).

По комментарию А. Никифорова, «содержание причитания — опозитизированная характеристика умершего, воспоминания о нем, поэтизация природы,

символика смерти, души, горя, доли, рассказ о собственных несчастьях, одиночестве» [2].

Пушкинский текст можно квалифицировать как «рассказ о собственных несчастьях», плач по неудавшейся жизни. «Зачалом» стихотворения служит интродуктивный стих «Уродился я, бедный недоносок», в котором уже намечен мотив обделенности: эпитет «бедный», определение «недоносок». Далее следуют «обидные стихи», градуированно описывающие несчастливую жизнь причитающего. Пушкин изображает не просто человека, «рожденного до срока», а значит, болезненного, недоразвитого, слабого, а глубоко одинокую, страдающую личность, не находящую эмпатического отклика в собственном окружении и полностью осознающего свою ненужность, «лишность» в мире.

Это бедный, маленький, пассивный человек (все действия совершаются *над ним*; он вынужден «переживать» на себе их результат — например женитьбу). Образ, данный Пушкиным в приведенной «миниатюре», — это зачаток всех будущих «бедных людей», всех «униженных и оскорбленных», всех элементов литературного типажа «маленький человек» и — поэтической парадигмы «лишнего человека», которая развилась как антитеза первому на основе единой генетической базы.

Из «Недоноска» вышел и «подпольный человек», и интеллектуально и нравственно «расщепленный» герой постмодернизма.

Пушкинского «Недоноска» можно приложить к тексту «Поющих камней» — по подобию трафарета: в этом случае мы увидим несомненное сюжетное сходство, обобщенное до уровня схемы: 1) Жан уродился хилым, болезненным; 2) с «глупых лет» осиротел; 3) «недорослем» (студентом) женился на Айнур; 4) оказался «нелюбимым» мужем.

Однако продуктивнее сравнить тип героя, представленный в романе, с образом, развитым Е. Боратынским.

Претекст Е.А. Боратынского как источник смысловых амплификаций в романе А. Жаксылыкова. Проблематику лирической книги Боратынского «Сумерки», частью которой является и стихотворение «Недоносок», можно назвать метафизической: история Человечества осмыслена в ней «сквозь призму» Духа, носителем которого становится Поэт. Это «утысячеренный человек» (формулировка М. Цветаевой), способный тонко чувствовать как преходящее, так и вечное, свидетель глобальных перемен и мировых катастроф. Поэт стремится гармонизировать мир, «свести воедино» хаос земной жизни с совершенством Бытия, однако достичь этой цели, утопичной по своей сути, он не может. Кульминационным «центром» этого осознания служит стихотворение «Недоносок».

И.Л. Альми приходит к выводу, что Недоносок — это не «человек в маске», исполняющий роль духа, а особое существо, чье бытие определено сочетанием парадоксальных качеств — слабости и бессмертия [3. С. 106].

С исследователем соглашается С.В. Рудакова, определяющая «срединное» положение Недоноска между небом и землей; столкновение этих «уровней» существования выступает «движущее силой» конфликта.

Недоносок принадлежит «племени духов» (как — в символическом прочтении — и Жан, герой «Поющих камней»), но он слишком слаб, мал и плох, чтобы

достичь своего Эмпирея. Малым, слабым и плохим ощущает себя Жан (*Блеклые, хилые, плакучие, вы тоже движетесь, познаете, но те кусочки истины, которые ухвачены вами, уже отравлены. Но не суждено вам подняться выше мха и травы. Никогда не сравняться вам с могучими деревьями. Всегда вас будут топтать, давить грязными подошвами... Да, вас, мухоморов и поганок человечества!*). Отсюда — состояние «подвешенности», неспособность жить ни жизнью «людской», ни жизнью «идеальной».

По мнению С.В. Рудаковой, Недоносок — воплощение проблемы «раздвоенной», «раздираемой противоречиями» личности: «Он заблудился в пространстве, не знает, куда двигаться, рвется в разные стороны, но ни одной точки достичь не может, и это вызывает в нем панический ужас» [4. С. 10]. Именно таков Жан: мечтая об уединенной и нравственной жизни, он вынужден подстраиваться под требования жизни «внешней», которая все дальше уводит его от собственных желаний. В результате его «мироздание распадается»: он не преуспел ни нравственно, ни социально, утратил ощущение «почвы» под ногами, провалившись в бесконечное сновидение, стал «вздохом меж землей и небесами». Все это время его, словно ветер, «гонит во времени» могучий и непреодолимый Страх.

Недоносок нигде не найдет своего места; куда бы он ни обратился, всюду его окружает враждебная стихия:

Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю:
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я подъямлю.

Страх Жана «предчувствует» глубокое, неотступное, веющее холодом, жуткое небо; он слышит зов жизни, исходящей из ее пучины, но ответить на него пока не может. Свое положение в жизни Жан осмысляет как «неблагополучие», «нелепость», а свою душу — как «вопящую», «потерянную» [1. С. 34]. Жан не может определить, кем он является на самом деле, как не может этого и Недоносок.

В Недоноске земное (он мал, физически слаб, плох) переплетено с метафизическим (дух, крылатый вздох и пр.). Мы склоняемся к мнению, что Недоносок, как и Жан, — символ человеческой Души, прозорливой и чуткой, но ограниченной несовершенством телесной оболочки, а потому не могущей достичь апофеоза собственного воплощения.

Недоносок: проблема окаянной души. В опыте интерпретации «Недоноска», предпринятой Г.О. Винокуром, содержится наблюдение о том, что стихотворение в философском отношении «платонично», что в нем запечатлена переосмысленная концепция «Пира». По мнению А.Ф. Лосева, центральная проблема «Пира» — объяснение «срединности», которую занимает в мире «всякая чувственная вещь». Срединная позиция, по А.Ф. Лосеву, — это положение и человеческой Души, которая не статична, подобно Разуму, но и не динамична, как Тело; будучи посредником между ними, она — движущая сила жизни [5. С. 141]. Но платоновская «срединность» — «благо» иного времени и иного места («Государства»). В условиях же разрозненного миропорядка она, по справедливому замечанию С.В. Рудаковой, трансформируется в трагическую «промежуточность» [4. С. 13].

В мире позитивизма, провозглашающем первенство материи, эта промежуточность становится «отпечатком» неполноценности. Недоносок только «наполовину человек», что делает его «чужим» для коллектива, и лишь наполовину — дух; это дает ему возможность постичь законы идеального Бытия, но не дает возможности жить ими.

Исходом этой расщепленности, промежуточности сознания и духа становится определение жизненной позиции как Наблюдателя, способного понять все, но не изменить при этом ничего. Уделом Недоноска становится вечное одиночество и непрерывное скитальничество.

Недоносок не в силах противиться безжалостным космическим ветрам:

Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крутит меня как пух,
Мчит под небо громовое.

Душой, над которой «свирепствует» рок (до переломного момента прозрения и освобождения), чувствует себя Жан:

Конечно, я тогда не мог и ведать о таких роковых силах, как судьба, случай, которые подчас распоряжаются миром и могут забросить человека, куда им заблагорассудится. Почему человек так неволен над самим собой? [1. С. 35].

Характерная черта обоих лирических субъектов — провиденциальность, уверенность в том, что над человеческой жизнью властвуют неконтролируемые стихии — судьба (ветер рока, подхватывающий «пух» и несущий его к гибели — «громовому небу»), случай, страх. По отношению к этим силам человек — «пух», «песчинка», «объект воздействия»; он пассивен (немошен), «податлив» (потому как не пытается сопротивляться течению жизни), слаб:

Я все время скатывался назад, оказывался в плену еще более мучительных противоречий, еще более тяжелых комплексов. Собственное бессилие и ряд поражений в жестоких столкновениях с действительностью швырнули меня на улицу, принудили убивать мозг в алкогольных возлияниях [1. С. 35].

Жан назван автором «неудачником от судьбы»; тем не менее он, лишенный «удачи», наделен исключительной душевной чуткостью, способностью «произрастать» за пределы собственного существа, «слышать», как наливаются жизненной силой початки кукурузы, «видеть» фиолетовую бездну неба, проживать не только свою жизнь, но и человеческую Историю.

В отличие от лермонтовского «Демона», Недоносок «имеет» свой предел; духовно он «ограничен».

Он «слышит» «страшный глас людских скорбей», «плач недужного младенца», «клик враждующих народов», и вынужден страдать; у него душа «мировой отзывчивости». Подобная сила проникновения в Бытие дана и Жану:

В каком-то невероятном полете сознания я мгновенно постигал их судьбы, за доли секунды успеваю прожить целые жизни: родиться, повзрослеть, состариться и умереть, оставив потомство, за которое должен был тут же опять вступить на жизненный путь. Во множестве вариантов летела моя расщепленная душа по вселенной, разыгрывая драмы отнюдь не приснившейся жизни... [1. С. 34].

Недоносок не стремится к счастью, понимая его невозможность для себя; он хочет только Покоя. Обретение покоя — высшая награда и для Жана, который даже после «пробуждения» не испытывает радости. Заменой ей в Тексте «звучит» пушкинское «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Заключение. Как видим, поэтическая парадигма, в которую образ Жана оказывается «включенным», отличается не только временной протяженностью, но и идейной сложностью. Жан не принадлежит типу «маленького человека» по замыслу Автора, но оказывается подвержен «фиктивному поведению».

В нем «до основ» разрушен Мечтатель (как Пушкин в свое время «убил» Ленского, образ-штамп романтической идеологии, так Жаксылыков нивелировал самую уязвимую из ипостасей Жана — его внутреннего Мечтателя).

Четче всего проявлена смежность протагониста «Поющих камней» героям, формирующим поэтическую парадигму «лишнего человека»: Страннику, Пророку, Недоноску. При этом Недоносок выступает в этой системе исходным, «родовым» понятием, в то время как «Странник» и «Пророк» — это намеченные Автором «пути спасения» главного героя, осуществленные им последовательно.

Как результат, самим своим «становлением» обязанный тесному взаимодействию с литературной традицией и накопленными в ней типами, перед нами появляется «постмодернистский» герой — «расщепленный», лишенный гармоничной цельности, «надломленный». В этом аспекте прочтения образ Жана, рано осиротевшего и «недолюбленного» своей матерью, наделяется особым трагизмом; в основе его душевной катастрофы лежит «потерянный рай» — рано утраченное детство. Отсюда, на наш взгляд, и получает развитие тема неприкаянности, а, точнее, окаянности; это и есть окаянность Недоноска.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Жаксылыков А.Ж. Сны окаянных: Трилогия. Алматы: Алматинский издательский дом, 2006. 526 с.
- [2] Никифоров А. Причитание // Литературная энциклопедия. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le9/le9-2603.htm>
- [3] Альми И.Л. Метод и стиль лирики Баратынского // Рус. лит. 1968. № 1. С. 91—106.
- [4] Рудакова С.В. Трагедия человека в «Недоноске» Е.А. Боратынского // Вестник Удмуртского Университета, 2013. Вып. 4. С. 9—16.
- [5] Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. 356 с.

“EACH OTHER ECHO”: A. ZHAKSYLYKOV’S NOVEL “THE SINGING STONES” IN LITERARY CORRELATION WITH E.I. BORATYNSKY’S “BASTARD”

O.A. Valikova

Kazakh National University of Al-Farabi
Al-Farabi str., 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

This paper deals with the fact of development and reconsideration of a symbol of the Russian literature — the Bastard — by the writer A. Zhaksylykov, the author of the novel “Singing Stones”. According to N.V. Pavlovich, images in literature don’t exist separately; they are included in a certain poetic paradigm. In this aspect interliterary correlation testifies to continuity of the esthetic and ontological principles in creation by the Author of an art ensemble. So, the protagonist of the novel “The Singing Stones” is correlated to the symbol of the Russian literature which is creatively mastered by A.S. Pushkin and developed by E.A. Boratynsky — with the Bastard. The intertextual overlapping used by the Author as an artistic touch “allocates” the main character with a variety of additional characteristics, makes it multidimensional and significant.

Key words: intertextuality, interliterary dialogue, continuity, tradition.

REFERENCES

- [1] Zhaksyilyikov A.Zh. Snyi okayannyih: Trilogiya [Dreams of the Damned. Trilogy]. Almatyi: TOO «Almatinskiy izdatelskiy dom», 2006. 526 s.
- [2] Nikiforov A. Prichitanie // Literaturnaya entsiklopediya [Literary Encyclopedia]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-2603.htm>
- [3] Almi I.L. Metod i stil liriki Baratynskogo [Method and Style of Baratynski’s poetry] // Russkaya literature [Russian literature]. 1968, № 1. S. 91—106.
- [4] Rudakova S.V. Tragediya cheloveka v «Nedonoske» E.A. Boratynskogo [Man’s tragedy in Baratynski’s “Bastard”] // Vestnik Udmurtskogo Universiteta [Bulletin of Udmurtia University]. 2013. Vyip. 4. S. 9—16.
- [5] Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki: Sofistyi. Sokrat. Platon. M.: Iskusstvo, 1969. 356 s.